

Отношение к риску, предпринимательство и самозанятость¹

Громова А.С.

Выбор предпринимательской деятельности и самозанятости среди всех возможностей занятости сопряжен с повышенным уровнем риска и требует определенной склонности к нему. Литература, посвященная отношению к риску и предпринимательству, обширна, однако число эмпирических работ на пересечении данных тем невелико. Опираясь на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2016–2018 гг., мы исследуем связь выбора предпринимательской деятельности и отношения к риску. Основным выводом работы является то, что склонность к риску положительно и нелинейно взаимосвязана с вероятностью выбора предпринимательской деятельности, однако данный вывод является стабильным только для групп добровольных предпринимателей.

Ключевые слова: отношение к риску; самозанятость и предпринимательская деятельность; РМЭЗ ВШЭ.

DOI: 10.17323/1813-8691-2021-25-2-263-291

Для цитирования: Громова А.С. Отношение к риску, предпринимательство и самозанятость. Экономический журнал ВШЭ. 2021; 25(2): 263–291.

For citation: Gromova A.S. Risk Attitude, Entrepreneurship and Self-Employment, *HSE Economic Journal*. 2021; 25(2): 263–291. (In Russ.)

---

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Автор благодарна за советы и комментарии В.Е. Гимпельсону, А.Ю. Ощепкову, Р.И. Капелюшникову, А.Д. Суворову, А.Ю. Чепуренко, а также участникам совместного семинара ЦеТИ и ЛИРТ НИУ ВШЭ.

Громова Ариадна Сергеевна – стажер-исследователь Центра трудовых исследований Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: asgromova@hse.ru

Статья получена: 26.01.2021/Статья принята 08.04.2021.

1. Введение

Индивиды могут трудиться как по найму, получая за свой труд заработную плату, так и не по найму – за доход. Во втором случае мы имеем дело с разнородной группой, к которой относятся все те, кто трудится за прибыль или за доход и не состоит в трудовых отношениях с работодателем [20th International Conference of Labour Statisticians, 2018]. В нее могут входить как предприниматели, работающие на себя и нанимающие работников, так и те, кто работает сам, индивидуально, без гарантий занятости и без защиты со стороны трудового кодекса. Не углубляясь в нюансы определений и внутригрупповых различий, мы будем рассматривать малое предпринимательство как составную часть «самозанятости», а эти два понятия как синонимы. Тем более, что многие даже очень крупные предприниматели часто начинали как самозанятые одиночки в арендованном гараже.

Если согласиться с тем, что предпринимательская деятельность является движущей силой современного экономического роста [Schumpeter, 1934], то все, что ей способствует, заслуживает поддержки. Однако имеет значение не столько количество, сколько качество предпринимателей и их мотивация выбора предпринимательской деятельности. Например, в беднейших экономиках этот выбор может носить вынужденный характер и определяться отсутствием альтернатив и необходимостью простого выживания.

Согласно данным Росстата, количество предпринимателей в России сократилось после 2008 г. с 8,3 млн до 5,5 млн и стагнировало на протяжении последних лет. Количество малых предприятий также фактически не менялось в период с 2011 по 2016 гг. (около 240 тыс. предприятий), но сократилось в 2017 г. почти на 30%. Только динамика количества микропредприятий является возрастающей, однако даже для данной категории значительный рост в 2014–2016 гг. сменился резким падением в 2017 г. [Институциональные преобразования в экономике, 2008–2017]. Согласно данным Всемирного Банка, на долю самозанятых в России приходится 6,8% всех занятых в 2019 г., что вдвое ниже, чем в среднем по странам с высоким уровнем дохода, и втрое, чем в среднем по Европейским странам [The World Bank].

С одной стороны, такие показатели могут быть объяснены макроэкономической нестабильностью, неблагоприятным бизнес-климатом и различными сбоями в регулировании экономики, которые постоянно происходили в этот период. С другой стороны, разные общества и разные культуры по-разному формируют предпочтения людей и тем самым влияют на поведение людей. Предприниматель или самозанятый – это индивид, инвестирующий в свое дело свои средства, время, идеи, ожидаемый возврат на которые никогда не гарантирован, а потому принимающий на себя различные риски [Knight, 1921]. Отсюда такая индивидуальная черта, как *отношение к риску*, частично наследуемая и частично формируемая в результате воспитания в детстве, может быть важным фактором профессионального выбора [Dohmen et al., 2011; Black et al., 2015].

Данная работа строится вокруг вопроса о том, как предпочтения индивидов в отношении риска влияют на выбор ими самозанятости как состояния на рынке труда. Основной вывод заключается в том, что с увеличением склонности к риску, при прочих равных, вероятность такого выбора растет. Оцененная условная вероятность быть самозанятым для индивида, отметившего на шкале максимальную склонность к риску, в 3–5 раз выше, чем для индивида с такими же характеристиками, но абсолютно несклонного.

Наш анализ основан на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее РМЭЗ ВШЭ) за 2016–2018 гг. В рабочую выборку входят не только все занятые, но и неработающие, что позволяет оценить взаимосвязь склонности к риску с разными статусами на рынке труда. Робастность полученных выводов подтверждается использованием различных эконометрических спецификаций, различных данных и различных показателей склонности к риску.

Структура работы выглядит следующим образом. В разделе 2 представлен обзор литературы, в котором обсуждаются исследования, посвященные анализу предпринимательства и самозанятости, влияния предпочтений на профессиональный выбор (предпринимательской деятельности). В разделе 3 приводится описание используемых данных и выборки. Раздел 4 посвящен методологии исследования. В разделе 5 приведены описательные статистики для переменных склонности к риску и предпринимательской деятельности. В разделе 6 представлены результаты оценивания модели и обсуждение результатов. В разделе 7 проводится проверка робастности полученных результатов. Заключение подводит итоги.

2. Обзор литературы

2.1. Склонность к риску и предпринимательство

Исследовательская литература о том, почему люди выбирают предпринимательство в тех или иных формах, обширна, и ее подробный анализ выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что существует консенсус в том, что предприниматели – это агенты, которые действуют в условиях неопределенности и должны иметь определенную степень «любви» к риску. Под склонностью к риску (отношению к риску) или предпочтениями в области принятия рискованных решений понимается готовность или неготовность индивида сталкиваться с неопределенностью и ее, возможно, негативными последствиями. Склонность к риску можно считать одной из ключевых некогнитивных характеристик человека.

Отношение к риску (как и другие некогнитивные характеристики) складывается в раннем возрасте [Cunha, Heckman, 2007]. На его формирование влияет не только воспитание, но и наследственность [Dohmen et al., 2011; Black et al., 2015]. Несмотря на то, что склонность к риску (как точечная оценка, например, измеримая в баллах) у индивидов может меняться с возрастом [Sahm, 2012; Dohmen et al., 2017] или под воздействием экзогенных шоков [Beine et al., 2020], ее ранжирование остается довольно стабильным [Stigler, Becker, 1977; Schildberg-Hörisch, 2018]. Как важная некогнитивная характеристика, склонность к риску влияет на поведение людей во многих экономических и социальных сферах: на вероятность миграции, курения, выбора государственного или частного сектора экономики для работы, частоту смены работы [Jaeger et al., 2010; Dohmen et al., 2011; Falk et al., 2018; Bonin et al., 2007; Argaw, Maier, Skriabikova, 2017].

Авторы работы [Dohmen et al., 2011] показали, что склонность к риску значимо и положительно коррелирует с вероятностью быть самозанятым. Стабильность данного вывода была подтверждена на межстрановой выборке [Falk et al., 2018]. Однако данные результаты не позволяли отделить тех индивидов, кто стал предпринимателем исходя из собственных предпочтений, от тех, кто получил семейный бизнес и соответствующий

опыт по наследству от родителей. Авторы работы [Skriabikova et al., 2014] анализируют индивидов, которые выросли при социализме в Украине и Восточной Германии, где такого рода межпоколенная трансмиссия предпринимательского капитала и соответствующего опыта была маловероятна. Они показывают, что и при перекрытых каналах семейного влияния склонность к риску по-прежнему имеет положительное и значимое влияние на вероятность стать предпринимателем. Риск влияет не только на вероятность попытаться быть предпринимателем, но и на вероятность им стать [Caliendo et al., 2009]. Гендерные различия в отношении к риску объясняют разницу между количеством женщин и мужчин, которые выбирают предпринимательскую деятельность [Hayduk et al., 2019].

Россия попадала в некоторые межстрановые исследования (например: [Falk et al., 2018; Earle, Sakova, 2000]), но, как правило, не анализировалась отдельно, или роль склонности к риску не была в фокусе данных исследований. Авторы статьи [Djankov et al., 2005] изучали характеристики российских предпринимателей, опираясь на данные за 2003–2004 гг., и, анализируя роль склонности к риску, не нашли его значимого эффекта на выбор предпринимательской деятельности. Другие исследования, специально изучающие роль склонности к риску при выборе предпринимательства в России, автору неизвестны.

2.2. Предпринимательство как сознательный выбор риска?

Занятие предпринимательством может быть сознательной реализацией склонности к риску, а может быть вынужденным поведением в условиях отсутствия других вариантов получения дохода. Например, безработный, отчаявшись найти работу, может стать самозанятым, если система социальной защиты отсутствует или не дает достаточного дохода. Таких «предпринимателей», которые выбирают это занятие не от хорошей жизни, называют вынужденными (*involuntary* или *necessity-driven*). В этом случае связь со склонностью к риску может быть слабой или вообще отсутствовать. Тех предпринимателей, для которых это занятие является приоритетным выбором, называют «добровольными» (*voluntary* или *opportunity-driven*) [Reynolds et al., 2005]. Фактически именно они и являются истинными предпринимателями в полном смысле этого слова.

Вынужденное предпринимательство очень распространено в странах с развивающейся и переходной экономиками. В таких экономиках выбор самозанятости связан с отсутствием рабочих мест и слабостью социальной защиты. Мотивация вынужденных самозанятых отличается от мотивации добровольных предпринимателей. В 2004 г., по данным Global Entrepreneurship Monitor (GEM), 65% предпринимателей были вовлечены в предпринимательскую деятельность добровольно, преследуя цели развития бизнеса, остальные выбрали эту деятельность из-за отсутствия других возможностей для трудоустройства [Acs, Varga, 2005]. Более поздние исследования показывают похожее разделение: в среднем 21% респондентов в странах ОЭСР и 46% в других странах являются вынужденными предпринимателями [Poschke, 2013]. Соотношения вынужденных и добровольных предпринимателей очень сильно различаются в зависимости от страны обследования: в странах с более высоким доходом преобладает количество добровольных предпринимателей, тогда как в странах с более низким доходом выше доля вынужденных [Acs, Varga, 2005].

Вопрос о разделении предпринимателей на вынужденных и добровольных не имеет однозначного решения. Одним из критериев разделения может являться наличие под-

чиненных [Earle, Sakova, 2000]. Добровольные предприниматели, достигая успеха в собственном деле, создают рабочие места, обеспечивают работников необходимыми средствами производства и капиталом. Поскольку данный процесс является сложным и рискованным, требует значительных затрат личных и заемных средств, усилий и времени, то на него решаются лишь немногие, чья мотивация заключается в создании и развитии прибыльного бизнеса, а не в обеспечении простого выживания. В противоположность истинным предпринимателям, самозанятые без подчиненных и те, у кого в подчинении только неоплачиваемые члены семьи, могут быть вынуждены заниматься квазипредпринимательской деятельностью с целью самообеспечения в условиях отсутствия других доходов. Авторы [Earle, Sakova, 2000] показывают, что добровольные и вынужденные предприниматели-самозанятые значимо различаются. Предприниматели, которые являются работодателями, более склонны к риску и имеют более высокие доходы, и сильно отличаются от работников по найму и безработных. Самозанятые индивиды без подчиненных по некоторым характеристикам близки к работникам по найму (например, по семейному положению и опыту дополнительного заработка), а по другим характеристикам они наиболее близки к безработным.

Исследователи [Block, Wagner, 2010] разделили предпринимателей на вынужденных и добровольных исходя из того, как индивиды сделали этот переход – потеряли ли они предыдущую работу или добровольно оставили ее ради собственного дела. Доходы данных групп значимо различаются, и добровольные предприниматели зарабатывают на 17% больше, чем вынужденные предприниматели.

Различия между вынужденными и истинными предпринимателями с подчиненными наблюдаются и в развитых странах. Исследование по 35 европейским странам показало, что вероятность стать истинным предпринимателем положительно связана с наличием супруга/супруги, работающего по найму, что хеджирует риски потери дохода. Предприниматели с подчиненными, в свою очередь, обладают также более высоким уровнем образования [Dvouletý, 2018].

Литература, посвященная исследованиям российского предпринимательства и мотивам, побуждающим к предпринимательской деятельности, также отмечает большие различия между добровольными и вынужденными предпринимателями. Первые, как правило, полностью удовлетворены своей оплатой труда. В противоположность им, вынужденные предприниматели характеризуют свое материальное положение как плохое [Чепуренко, 2008]. Для добровольных предпринимателей свойственна неудовлетворенность возможностями профессионального и карьерного роста и реализации идей на предыдущей работе [Чепуренко, 2008]. Вынужденные предприниматели склонны начинать свое дело даже тогда, когда экономическое положение неблагоприятно для старта бизнеса, и часто оценивают свои предпринимательские способности как недостаточные [Алимова, 2010].

Поскольку индивиды с различной мотивацией к предпринимательской деятельности сильно различаются между собой, можно предположить, что и склонность к риску будет оказывать различное влияние на выбор самозанятости. Поэтому, исследуя роль склонности к риску при выборе предпринимательской деятельности, мы не можем игнорировать мотивацию такого решения.

3. Эмпирические данные

3.1. Выборка

Эмпирический анализ в данной работе строится на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее просто РМЭЗ ВШЭ)², который является репрезентативным панельным обследованием российских домохозяйств. Его важными достоинствами являются значительный размер выборки, панельный характер и широкий набор переменных.

Для построения рабочей выборки использованы данные за 2016–2018 гг. В этих волнах в опросник были включены вопросы об отношении к риску. Были рассмотрены все индивиды в возрасте от 20 до 65 лет, поскольку за границами этого интервала уровни занятости очень низкие.

В выборку 2016 г. вошли 11613 индивидов, в выборку 2017 – 11676 человек, в выборку 2018 – 11146 индивидов. Объединенный пул включает 9008 индивидов (суммарно 27024 наблюдения за три года), которые присутствовали во всех трех волнах обследования.

3.2. Переменная отношения к риску

Исследователи используют два основных способа измерения отношения к риску: 1) в рамках специально построенных экспериментов или 2) через самооценку в опросах. В РМЭЗ ВШЭ используется второй подход. Однако, как показывают исследования, значения предпочтений в принятии рискованных решений, полученные разными способами, близки, и обе методологии являются валидными [Dohmen et al., 2011; Arslan et al., 2020].

Анкета РМЭЗ ВШЭ содержит серию вопросов о склонности к риску. Вопрос об общем отношении к риску сформулирован следующим образом: *«Одни люди всегда готовы рисковать, другие никогда не рискуют. Представьте себе шкалу от 0 до 10, где 0 означает “Совсем не готовы рисковать”, а 10 – “Всегда готовы рисковать”. Куда бы на такой шкале Вы поместили себя?»*. Аналогичная шкала используется и в вопросах о склонности к риску в отдельных сферах, в частности, при вождении автомобиля, в финансовых операциях, в выборе карьеры, соблюдении правил безопасности и в отношении здоровья. Коэффициенты корреляции между ними на данных за 2016–2018 гг. не опускаются ниже 0,42, имеют ожидаемый знак, всегда статистически значимы на однопроцентном уровне и близки к значениям в [Dohmen et al., 2011].

Самая низкая корреляция наблюдается между риском в отношении здоровья и риском ради продвижения по карьерной лестнице, что можно объяснить тем, что при продвижении по службе человеку не всегда приходится жертвовать здоровьем. Самая высокая – между риском в безопасности труда и риском в отношении здоровья. Рискованное поведение в этих сферах может приводить к одинаковым исходам, поэтому люди могут быть одинаково (не)склонны рисковать в этих областях.

Вопросу о том, какой параметр склонности к риску является эндогенным, посвящено множество работ. Подробный обзор исследований на эту тему представлен в работе

---

² Данное обследование проводится НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии РАН. См.: <http://www.hse.ru/rf/ms>

[Schildberg-Hörisch, 2018]. С одной стороны, исследователи часто предполагают стабильность предпочтений в принятии рискованных решений и некогнитивных характеристик. Мета-анализ, представленный в работе [Roberts, Del Vecchio, 2000], показывает, что уровень склонности остается устойчиво высоким на промежутке 6 лет. С другой стороны, предпочтения все же могут меняться в течение жизни [Dohmen et al., 2017] под влиянием разнообразных событий и внешних шоков [Beine et al., 2020]. К последним относятся землетрясения, пандемии, наводнения и тому подобное, что заставляет людей менять свое поведение. На склонность к риску также могут влиять события, связанные с потерей работы [Hetschko, Preuss, 2020], переходом в самозанятость [Brachert et al., 2014], потерей близких, сменой семейного положения и так далее. Обзор [Schildberg-Hörisch, 2018] характеризует такие изменения в склонности к риску как «systematic but temporary deviations from underlying “baseline risk preferences”», которые могут иметь различный размер и стабильность в зависимости от произошедшего события.

В рамках данного исследования предполагается, что склонность к риску является экзогенным параметром, так как наше исследование охватывает короткий временной промежуток (2016–2018 гг.), в течение которого не было сильных внешних макрошоков, однако мы дополнительно используем модели с включением лагированных переменных.

3.3. Зависимая переменная

Наша зависимая переменная – положение индивида на рынке труда – принимает следующие значения: занятые по найму, самозанятые/предприниматели, безработные и находящиеся вне рабочей силы. Занятыми считаются те, кто имеют работу или находятся в отпуске, а также те, кто имеют случайный заработок. Для последних введен критерий отбора: продолжительность оплачиваемой работы такого рода должна быть не меньше 20 часов за последние 30 дней. К безработным относятся индивиды без доходного занятия, но находящиеся в поиске работы и готовые приступить к ней. Остальные попадают в группу вне рабочей силы.

Все занятые делятся на занятых по найму и самозанятых/предпринимателей. Опросник RLMS содержит несколько вопросов, с помощью которых можно выделить последнюю категорию. На основе вопросов «Какой ответ лучше всего описывает ваше основное занятие в настоящее время?» (Ответ: «Предприниматель», а также «Фермер» как предприниматель в сфере сельского хозяйства) и «Как вы считаете, на этой работе вы занимаетесь предпринимательской деятельностью?» (Ответ: «Да»), формируется основная переменная статуса предпринимательской деятельности (*entrep*). Мы объединяем результаты ответов на эти вопросы в одну переменную *entrep*, которая равна единице в случае положительного ответа хотя бы на один из этих вопросов, или ноль в противном случае. Для такого решения есть две причины. Во-первых, от 30 до 35% респондентов в зависимости от года обследования дают одинаковые ответы на оба вопроса. Во-вторых, каждый из этих вопросов не лишен недостатков, так как респонденты могут по-разному оценивать свою деятельность. Например, отвечая на вопрос о своем основном занятии, самозанятые могут совмещать предпринимательскую деятельность с работой по найму или декретным отпуском, при этом не акцентируя свое предпринимательство. Отвечая на второй вопрос, респондент может высказаться положительно о своем предпринимательстве, хотя эта деятельность является для него неосновной. В то же время некоторые самозаня-

тые могут не рассматривать свою деятельность как предпринимательскую, хотя она по существу является таковой. Как показали предварительные расчеты, при использовании данных вопросов как отдельных переменных оценки коэффициентов для переменной риска являлись одинаковыми.

3.4. Контрольные переменные

Контрольные переменные можно разделить на две большие группы: демографические показатели и показатели человеческого капитала.

К демографическим относятся пол, возраст (число полных лет), семейное положение индивида, наличие детей младше 18 лет и место жительства. Переменная места жительства равна единице, если респондент живет в городской местности, и ноль, если в сельской местности; отдельная дамми отделяет жителей Москвы и Санкт-Петербурга от других городов. Человеческий капитал измеряется уровнем образования индивида. Также при построении регрессий мы контролируем место проживания респондента как первичную территориальную единицу, используемую для построения выборки (PSU), и оцениваем стандартные ошибки с учетом кластеризации в PSU.

4. Логика эконометрического анализа

Поскольку зависимая переменная (статус на рынке труда) принимает четыре не-ранжируемые значения, мы используем модель мультиномиальной логит-регрессии и оцениваем в трех разных спецификациях, которые обсуждаются ниже. Данная модель оценивается как для каждого года по отдельности, так и на объединенном пуле данных, в который вошли индивиды, принимавшие участие во всех трех волнах обследования.

В общем виде модель выглядит следующим образом:

$$(1) \quad \Pr(Y_i = k | X_i; \beta) = \frac{\exp(X_i \beta_k)}{\sum_{j=1}^4 \exp(X_i \beta_j)} \text{ для } k = 1 \dots 4,$$

где X – объясняющие переменные, список которых зависит от спецификации.

Спецификация 1 использует только отношение к риску как объясняющую переменную. *Спецификация 2* контролирует демографические характеристики индивидов. Следуя литературе, мы добавляем переменные для пола, возраста, семейного положения, места жительства индивида. В *Спецификацию 3* дополнительно включается переменная уровня образования индивида.

Последовательное расширение модели с учетом демографических переменных и переменных человеческого капитала позволяет отследить возможные изменения в оценках коэффициентов при переменной риска.

Лагирование переменной риска позволяет ослабить опасение того, что связь между выбором предпринимательства/самозанятости и склонности к риску окажется обратной. Кроме того, оно соответствует идее о том, что выбор занятия может осуществляться с лагом.

В этой модели объясняемой переменной является статус занятости в текущем году, но все контрольные переменные, включая переменную риска, берутся за предыдущий год. Модели с лагом в таких же спецификациях, что и в предыдущем случае, мы можем оценить для 2017 и 2018 гг.:

$$(2) \quad \Pr(Y_{i,t} = k | X_i; \beta) = \frac{\exp(X_{i,t-1}\beta_k)}{\sum_{j=1}^4 \exp(X_{i,t-1}\beta_j)} \text{ для } k = 1 \dots 4.$$

Коэффициенты в мультиномиальных регрессиях показывают знак и значимость, но плохо поддаются прямой количественной интерпретации. Поэтому мы рассчитываем условные вероятности выбора состояний на рынке труда в зависимости от значений склонности к риску при том условии, что все прочие независимые переменные зафиксированы на уровне средних значений. Такие оценки переводят значения коэффициентов в понятные количественные оценки вероятности тех или иных исходов в зависимости от переменной нашего интереса.

5. Описательные статистики

В табл. 1 представлены описательные статистики для всех переменных, которые используются в исследовании. Доля мужчин в выборке равна 44%; средний возраст респондентов – 42 года; доля женатых/замужних – 70–72% в зависимости от волны обследования; почти каждый второй имеет детей младше 18 лет. В Москве и Санкт-Петербурге живет приблизительно каждый десятый, а в целом доля городского населения составила около 68%. Около трети респондентов имеют высшее образование и столько же – среднее профессиональное. Эти показатели очень близки к значениям из официальной статистики.

Среднее значение показателя отношения к риску варьируется от 3,66 в 2018 г. до 3,73 в 2017 г. по 11-балльной шкале для объединенной выборки, что говорит о низкой склонности россиян признаваться в любви к риску. Показатели риска в различных сферах также сигнализируют о рискофобии: для выборки 2016–2018 гг. средние значения варьируются от 2,06 в случае риска в отношении здоровья до 2,71 в случае риска ради карьерного продвижения. Отметим, что риски в отдельных областях также остаются достаточно стабильными во времени в среднем и сохраняют свойство транзитивности.

Теперь обратимся к показателям самозанятости. Это состояние отмечают 4% респондентов. Около 68–72% респондентов работают по найму, безработными являются 2–3% опрошенных, и к неактивному населению относятся 21–22% индивидов. В целом, вне зависимости от текущего статуса занятости, в выборке присутствует около 12% респондентов, которые когда-либо занимались предпринимательской деятельностью.

Распределение отношения риска для каждого года и по общей выборке представлено на рис. 1.

Таблица 1.

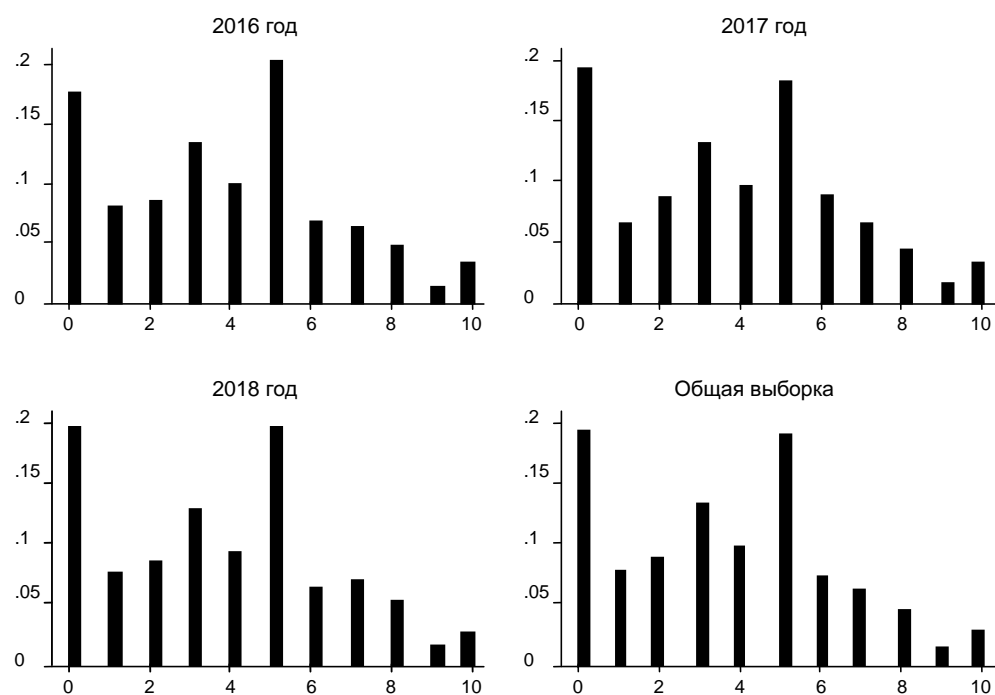
Описательные статистики переменных

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016–2018 гг.
	(1)	(2)	(3)	(4)
Предприниматели	0,041 (0,197)	0,045 (0,207)	0,043 (0,202)	0,042 (0,201)
Занятые по найму	0,707 (0,455)	0,714 (0,451)	0,682 (0,465)	0,726 (0,446)
Безработные	0,030 (0,172)	0,022 (0,148)	0,048 (0,144)	0,022 (0,148)
Неактивное население	0,222 (0,415)	0,217 (0,413)	0,227 (0,419)	0,210 (0,407)
Склонность к риску, в баллах	3,719 (2,687)	3,725 (2,727)	3,655 (2,716)	3,611 (2,686)
Склонность к риску в финансовых операциях, в баллах	2,669 (2,532)	2,698 (2,551)	2,701 (2,590)	2,631 (2,523)
Склонность к риску ради продвижения по службе, в баллах	2,852 (2,776)	2,753 (2,736)	2,719 (2,716)	2,713 (2,711)
Склонность к риску в безопасности труда, в баллах	2,225 (2,546)	2,091 (2,439)	2,012 (2,389)	2,062 (2,421)
Склонность к риску в отношении здоровья, в баллах	2,514 (2,767)	2,384 (2,684)	2,119 (2,474)	2,288 (2,620)
Мужчины, доля	0,443 (0,497)	0,445 (0,497)	0,444 (0,497)	0,438 (0,496)
Возраст, лет	41,944 (12,812)	42,081 (12,736)	42,510 (12,676)	42,731 (12,195)
Семейное положение	0,714 (0,451)	0,714 (0,452)	0,707 (0,455)	0,729 (0,444)
Наличие детей младше 18 лет	0,419 (0,493)	0,416 (0,493)	0,412 (0,492)	0,558 (0,497)
Москва и Санкт-Петербург	0,104 (0,306)	0,107 (0,309)	0,106 (0,308)	0,094 (0,292)
Городская местность	0,688 (0,463)	0,686 (0,464)	0,682 (0,466)	0,666 (0,472)
Высшее образование	0,294 (0,456)	0,302 (0,459)	0,305 (0,461)	0,303 (0,460)
Среднее профессиональное образование	0,225 (0,418)	0,228 (0,419)	0,231 (0,422)	0,231 (0,421)

Окончание табл. 1.

	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2016–2018 гг.
	(1)	(2)	(3)	(4)
ПТУ со средним образованием	0,159 (0,365)	0,160 (0,366)	0,163 (0,369)	0,162 (0,369)
ПТУ без среднего образования	0,212 (0,409)	0,165 (0,371)	0,200 (0,400)	0,186 (0,389)
Полное среднее образование	0,028 (0,164)	0,028 (0,371)	0,020 (0,140)	0,026 (0,160)
Неполное среднее и ниже	0,086 (0,275)	0,118 (0,322)	0,081 (0,272)	0,091 (0,288)
Количество наблюдений	11613	11676	11146	27024

Примечания. Значения по строкам показывают долю данной категории в выборке, если не указано иное. В столбце (4) расчеты проведены по сбалансированной выборке 2016–2018 гг., в которую включены только индивиды, принимавшие участие во всех трех волнах обследования, в результате чего средние значения могут отличаться от усредненного значения по трем первым столбцам. В скобках указаны стандартные ошибки.

Рис. 1. Распределение отношения общего показателя риска для каждого года и по сбалансированной выборке

Столбцы на рис. 1 соответствуют доле респондентов, выбравших каждый из пунктов 11-балльной шкалы. Можно отметить, что распределение является достаточно стабильным по годам. Самыми популярными ответами для всех выборок являются значения «5», которое соответствует нейтральному отношению по данной шкале, и «0», обозначающее полное избегание риска – по 18–20%. Количество индивидов, выбравших ответы «6» и более, составляет примерно $\frac{1}{4}$ выборки.

Для общей выборки анализируется также распределение риска в различных сферах деятельности. Самым популярным выбором является полное отрицание риска: доля таких ответов варьируется от 29% в случае финансовых операций до 39% в случае техники безопасности. В отличие от общего отношения к риску, группа риск-нейтральных сократилась до 10–13%. Количество индивидов, склонных к риску, также заметно меньше, чем в общем случае. Таким образом, уровень общей склонности к риску в среднем по выборке выше, чем уровни в отдельных сферах деятельности. По-видимому, в случае специфических вопросов респонденту намного проще вспомнить особенности своего поведения и он более склонен отмечать крайние случаи (полный риск или избегание риска).

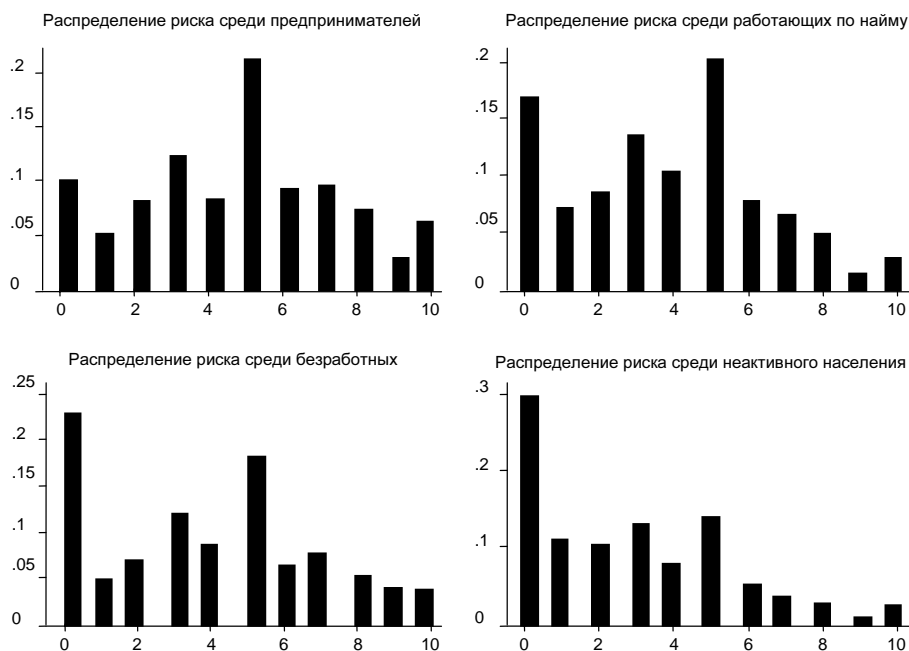

Рис. 2. Распределение показателя отношения к риску для различных групп по статусу на рынке труда

На рис. 2 представлены распределения по отношению к риску для различных групп по статусу на рынке труда. Столбцы соответствуют доле респондентов в определенной группе, выбравших каждый из пунктов 11-балльной шкалы. Среди предпринимателей/самозанятых наибольшая доля тех, кто оценивает свою склонность к риску в 6 баллов и

выше: 35% против 23% для работающих по найму, 27% для безработных и 14% для неактивного населения. Также доля людей, абсолютно склонных к риску (ответ «10»), достигает 6% по сравнению с 3% для работающих по найму, 4% для безработных и 2,7% для неактивного населения. Соответственно процент абсолютно несклонных к риску является наименьшим для тех, кто занимается предпринимательской деятельностью – 10,6%.

6. Эконометрические оценки

В табл. 2 представлены коэффициенты при переменной отношения к риску для выбора предпринимательской деятельности в уравнении выбора положения на рынке труда. Все спецификации были оценены как на выборках отдельных лет (выборки 2016, 2017 и 2018 гг.), так и по сбалансированной общей выборке. Таблица коэффициентов для всех переменных и всех видов занятости находится в Приложении.

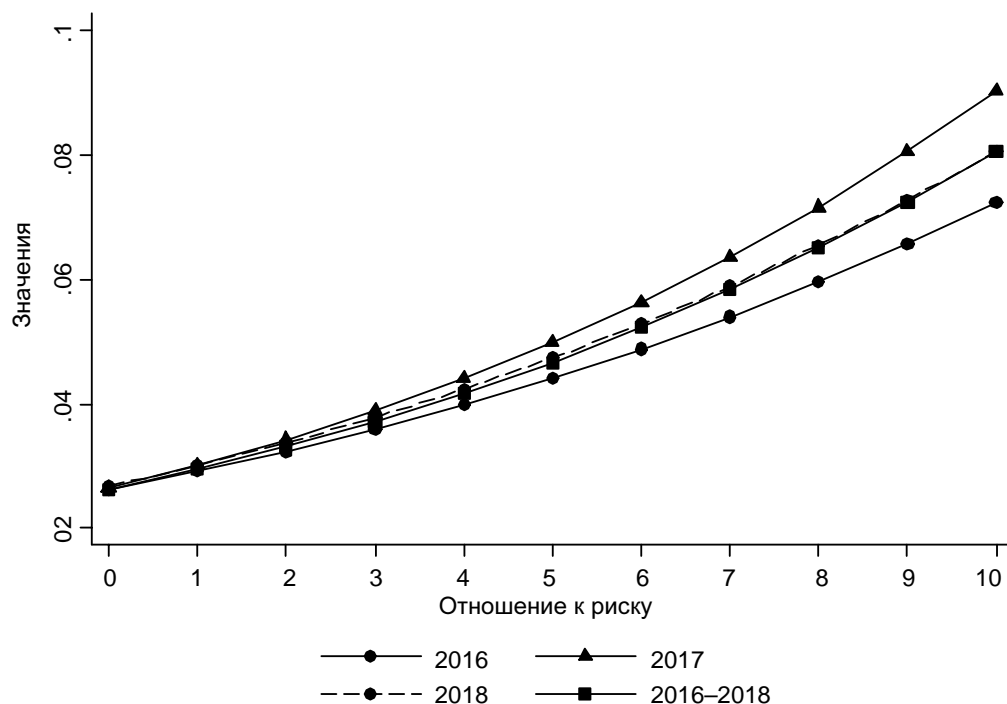
Таблица 2.

Коэффициенты при переменной отношения к риску для выбора предпринимательской деятельности

	Спецификация 1	Спецификация 2	Спецификация 3
2016 г.			
Отношение к риску	0,100*** (0,027)	0,096*** (0,026)	0,098*** (0,027)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	10984	10880	10880
2017 г.			
Отношение к риску	0,100*** (0,025)	0,123*** (0,026)	0,124*** (0,026)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	10969	10895	10895
2018 г.			
Отношение к риску	0,114*** (0,032)	0,112*** (0,032)	0,112*** (0,026)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	10602	10538	10538
Объединенная выборка 2016–2018 гг.			
Отношение к риску	0,117*** (0,024)	0,110*** (0,024)	0,110*** (0,024)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	25617	25565	25565

Примечания. *** – p-value=0,01; «+» означает, что данные переменные контролируются.

Как видно из табл. 2, во всех волнах обследования и во всех спецификациях склонность к риску значимо и положительно влияет на вероятность предпринимательской деятельности. Размер коэффициента остается стабильным при добавлении контрольных переменных во всех выборках.

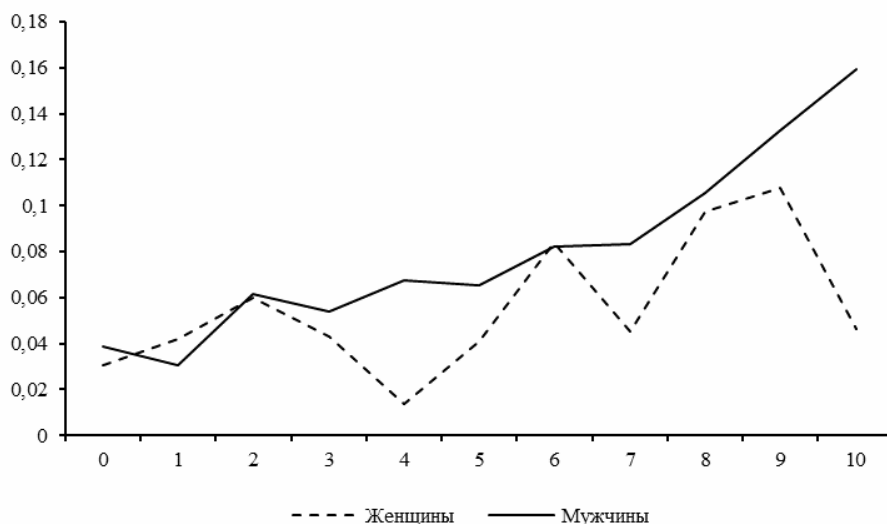

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

Рис. 3. Условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения переменной отношения к риску

Используя полученные оценки коэффициентов мультиномиальной логит-регрессии, мы рассчитываем условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения шкалы склонности к риску при фиксировании всех контрольных переменных на уровне средних значений. Результаты расчетов изображены на рис. 3. При максимальных ответах о склонности к риску вероятность быть предпринимателем равняется 7–9%. Такое значение может показаться небольшим, но по сравнению с теми, кто полностью не готов рисковать (ответ «0»), условная вероятность увеличивается на 5–7 процентных пунктов. Зависимость выбора предпринимательской деятельности от значения риска имеет одинаковый восходящий вид для всех годовых выборок, что также свидетельствует о стабильности эффекта риска. Во всех случаях вероятность выбора предпринимательской деятельности возрастает нелинейно, таким образом, увеличение показателя риска с 9 до 10 увеличивает вероятность выбора предпринимательской деятельности больше, чем переход от полной несклонности к риску («ноль») к значению единица. Таким

образом, для готового рисковать индивида увеличение его склонности к риску на один балл повышает вероятность быть предпринимателем намного больше, чем для тех, кто абсолютно не склонен принимать рискованные решения. Для проверки однородности полученных результатов были оценены отдельные коэффициенты при переменной риска для мужчин и женщин и были получены соответствующие профили условных вероятностей (рис. 4).

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

Рис. 4. Условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения переменной отношения к риску для мужчин и женщин. Выборка 2016–2018 гг.

Несмотря на то, что коэффициенты получились значимыми и положительными для обеих групп, профили вероятностей сильно отличаются друг от друга. Для мужчин вероятность имеет более крутой профиль по сравнению с профилем на рис. 3. Тем не менее профиль по-прежнему остается восходящим. В свою очередь, вероятность выбора предпринимательской деятельности для женщин сильно колеблется в зависимости от показателя склонности к риску, не достигая пика при его максимальном значении. Для женщин максимальная готовность брать риск образует пик только при выборе быть безработной или занятой, но не увеличивает вероятность выбора предпринимательства.

7. Проверка результатов на робастность

Предыдущий анализ показал, что значимая и положительная корреляция между переменной риска и вероятностью выбора предпринимательской деятельности является устойчивой вне зависимости от года обследования. Однако, возможно, полученные результаты вызваны особенностями измерения ключевых переменных. Ниже приведены результаты с использованием альтернативных показателей.

7.1. Использование лагированной переменной риска

Меняются ли результаты, если вместо текущих значений для склонности к риску использовать лагированные, т.е. замеренные для этих же индивидов в предыдущем году? Методология используемого подхода к лагированию переменной риска аналогична той, что использовалась в работе [Caliendo et al., 2009], но поскольку выборка содержит данные за три года, анализ проводится не только с лагом в один год, но и в два года для проверки робастности влияния. Было оценено три модели в каждой из трех спецификаций: с зависимой переменной за 2017 г. и переменными за 2016 г. (лаг в один год), с зависимой переменной за 2018 г. и переменными за 2017 г. (лаг в один год) и с зависимой переменной за 2018 г. и переменными за 2016 г. (лаг в два года). Соответствующие оценки представлены в табл. 3.

Таблица 3.

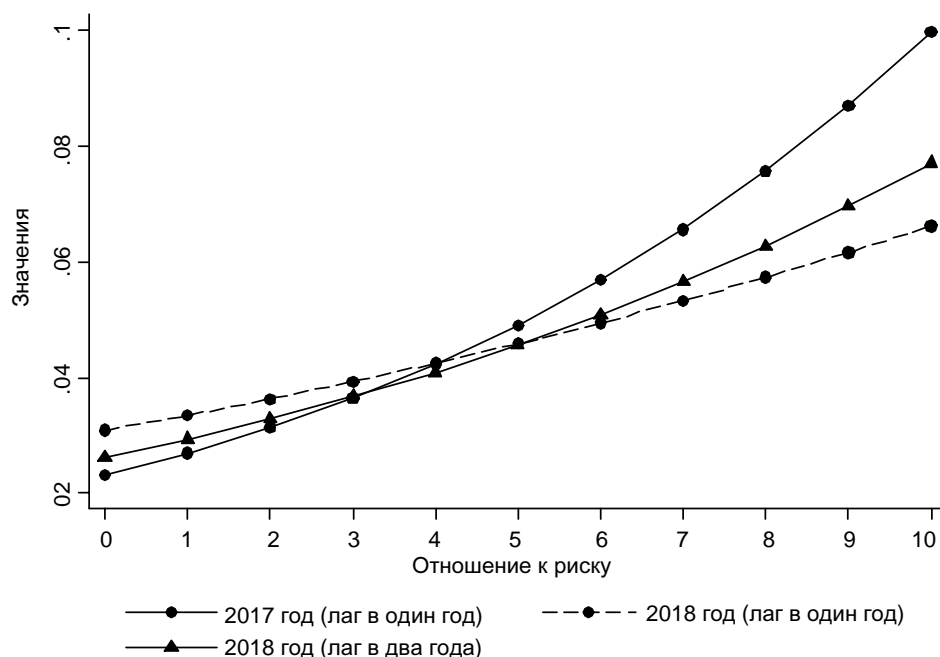
Коэффициенты пролагированной переменной отношения к риску для выбора предпринимательской деятельности

	Спецификация 1	Спецификация 2	Спецификация 3
Зависимая переменная за 2017 г.			
Отношение к риску в 2016 г. (лаг один год)	0,153***	0,147***	0,152***
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	8552	8524	8524
Зависимая переменная за 2018 г.			
Отношение к риску в 2017 г. (лаг один год)	0,078***	0,071***	0,072***
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	8487	8470	8470
Зависимая переменная за 2018 г.			
Отношение к риску в 2016 г. (лаг два года)	0,118***	0,107***	0,108***
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	8552	8524	8524

Примечания. *** – $p\text{-value} = 0,01$; «+» означает, что данные переменные контролируются в спецификации.

Полученные значения коэффициентов являются стабильными и значимыми вне зависимости от выбранной спецификации модели, вне зависимости от номера лага. Для сравнения эффектов на рис. 5 продемонстрированы условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения переменной склонности к риску с лагом.

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

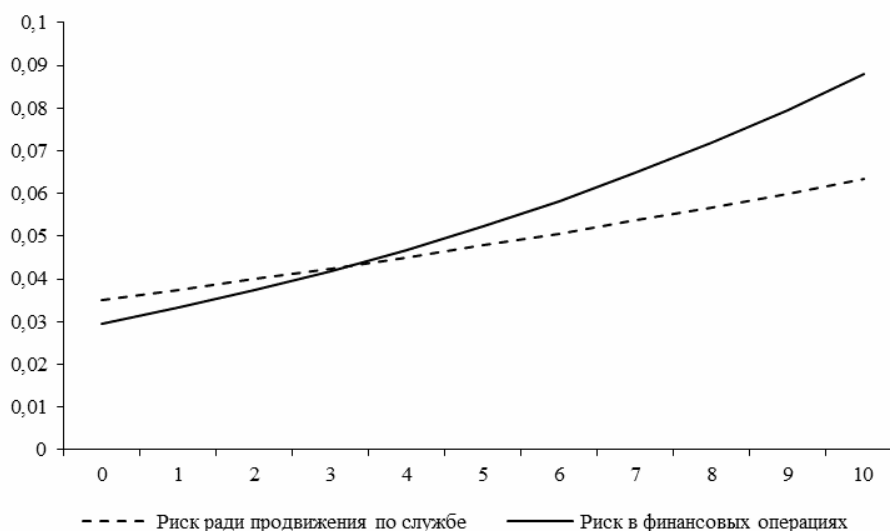
Рис. 5. Условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения переменной отношения к риску с лагом

Полученные условные вероятности повторяют восходящий нелинейный профиль, который был получен при использовании нелагированных переменных. Для максимально склонных к риску индивидов (в 2016 г.) вероятность предпринимательской деятельности в 2017 г. составляла 10% и равнялась 6,6% в 2018 г. Абсолютная склонность к риску в 2016 г. увеличивала условную вероятность предпринимательства через два года до 7,7%. Максимальные значения полученных вероятностей сопоставимы с теми, что были получены при основном анализе.

7.2. Склонность к риску, агрегированная по сферам деятельности

Мы формируем альтернативный показатель склонности к риску с помощью агрегирования частных предпочтений в отдельных сферах деятельности (склонности к риску в финансовых операциях, ради продвижения по службе, в безопасности труда и в отношении здоровья). Все частные показатели склонности к риску значимо положительно коррели-

руют с выбором предпринимательской деятельности. Однако при построении агрегированного фактора мы не включаем отношение к риску при вождении автомобиля, так как его использование значительно сокращает выборку, поскольку не все индивиды являются водителями. В качестве промежуточного шага анализа была оценена модель, где все показатели риска были включены в модель. Самый большой эффект оказала переменная склонности к риску в финансовых операциях (рис. 6). Как правило, вход в предпринимательство больше всего сопряжен с риском именно в данной сфере, поскольку зачастую сопровождается большими издержками для начала бизнеса и, возможно, ухода с оплачиваемой работы по найму. Также стоит отметить, что при увеличении склонности к риску ради продвижения по службе (карьеры) вероятность выбора предпринимательской деятельности также растет, поскольку предпринимательство может считаться одним из вариантов продвижения в карьере индивида.

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

Рис. 6. Условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения переменных отношения к риску ради продвижения по службе и в финансовых операциях

Создание агрегированного показателя вместо четырех различных переменных имеет следующее обоснование. Возможно, показатель общего риска может являться слишком сложной и абстрактной концепцией для того, чтобы респондент его самостоятельно смог оценить правильно. Что означает быть склонным к риску в общем смысле, без приложения к какой-либо конкретной деятельности? На этот вопрос достаточно сложно дать ответ. В этом случае частные склонности к риску в различных аспектах деятельности могут быть оценены более точно. Для их агрегирования мы рассчитываем главную компоненту и нормируем ее таким образом, чтобы полученные значения находились в отрезке от 0 до 10. Далее используется данная переменная вместо общего отношения к риску в основной модели работы.

Результаты анализа сведены в табл. 4. Все коэффициенты показателей риска сохранили свою высокую значимость.

Таблица 4.

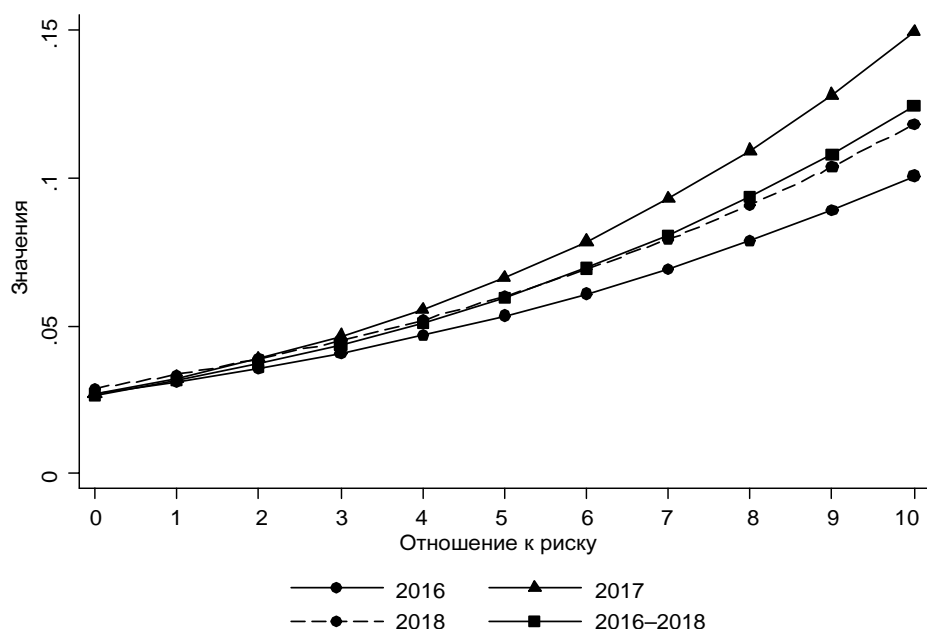
**Коэффициенты при агрегированной переменной отношения к риску
для выбора предпринимательской деятельности**

	Спецификация 1	Спецификация 2	Спецификация 3
2016 г.			
Отношение к риску	0,131*** (0,030)	0,127*** (0,028)	0,129*** (0,029)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	10042	9948	9948
2017 г.			
Отношение к риску	0,173*** (0,032)	0,177*** (0,032)	0,179*** (0,033)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	10113	10044	10044
2018 г.			
Отношение к риску	0,142*** (0,035)	0,146*** (0,036)	0,144*** (0,037)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	9808	9748	9748
Объединенная выборка 2016–2018 гг.			
Отношение к риску	0,157*** (0,036)	0,155*** (0,035)	0,156*** (0,035)
Демография	–	+	+
Образование	–	–	+
<i>N</i>	23626	23576	23576

Примечания. *** – $p\text{-value}=0,01$; «+» означает, что данные переменные контролируются в спецификации.

Кривая для симулированных вероятностей также сохранила восходящий и нелинейный профиль (рис. 7). При максимальном значении рискофилии вероятности выбора предпринимательской деятельности достигают 10%, 12% и 15% для 2016, 2017 и 2018 гг.

соответственно. Для объединенной выборки максимальная вероятность выбора предпринимательской деятельности равна 13%.

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

Рис. 7. Условные вероятности выбора предпринимательской деятельности для каждого значения агрегированной переменной отношения к риску

Таким образом, использование общей переменной риска, полученной в результате самооценки, практически эквивалентно использованию переменной риска, полученного на основе метода главных компонент, что подтверждает устойчивость результатов.

7.3. Предприниматели «по убеждениям» и «по обстоятельствам»

Предпринимателей, которые занимаются малым и микропредпринимательством, можно разделить на две условные группы. Первая группа – это те, для кого такая деятельность самоценна, и они этим занимаются, потому что они хотят заниматься. Другая группа включает тех, кто оказался в таком предпринимательстве по воле обстоятельств, например, потеряли работу по найму или не смогли найти новую, и в этих условиях предпринимательство в виде самозанятости оказывается единственным способом получения дохода. Граница между этими двумя группами является достаточно размытой, потому что где заканчиваются убеждения, а где начинаются обстоятельства можно интерпретировать по-разному.

К сожалению, в опросник RLMS не включен прямой вопрос о разделении предпринимателей по типу их мотивации. Следуя литературе (см. обзор), мы разделяем их на две

группы в зависимости от наличия подчиненных. Если респондент положительно отвечает на вопрос: «У вас есть подчиненные на этой работе?» и при этом является предпринимателем, то он относится к группе добровольных предпринимателей, т.е. «по убеждениям». В противном случае его выбор является вынужденным и продиктованным обстоятельствами. Доля самозанятых без подчиненных (самозанятых в узком смысле) является стабильной и составляет 55–56% в зависимости от года обследования.

В табл. 5 представлены полученные оценки регрессионного анализа.

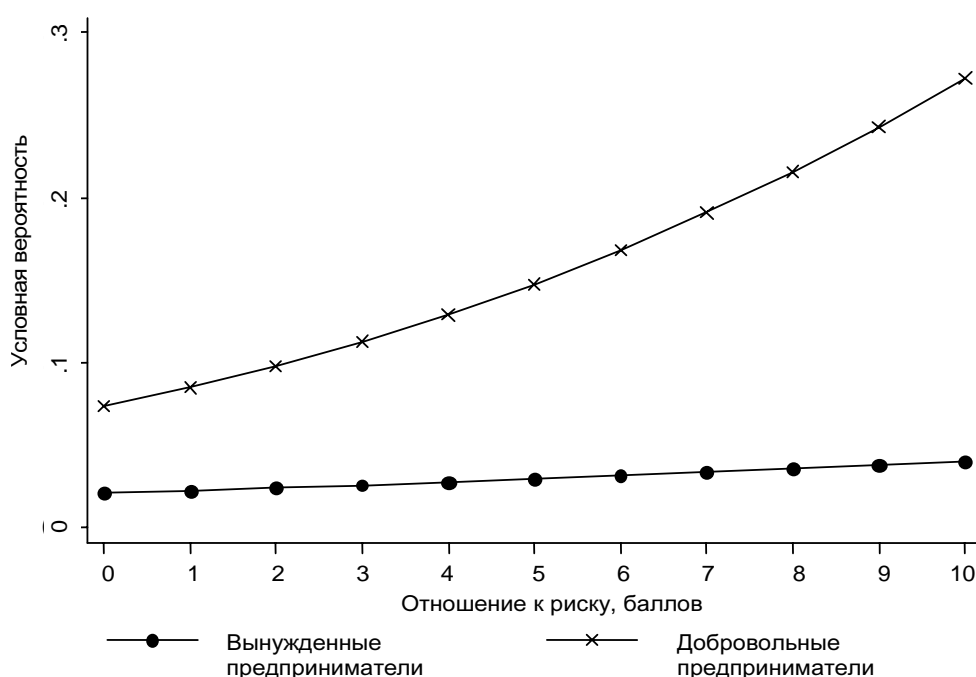
Таблица 5.

Коэффициенты при переменной склонности к риску для выбора добровольной и вынужденной предпринимательской деятельности

	Предприниматели без подчиненных	Предприниматели с подчиненными
2016 г.		
Отношение к риску	0,044 (0,037)	0,146*** (0,038)
Демография	+	+
Образование	+	+
<i>N</i>	9417	1456
2017 г.		
Отношение к риску	0,056* (0,030)	0,194*** (0,036)
Демография	+	+
Образование	+	+
<i>N</i>	9418	1460
2018 г.		
Отношение к риску	0,078** (0,035)	0,136*** (0,047)
Демография	+	+
Образование	+	+
<i>N</i>	9106	1412
Объединенная выборка 2016–2018 гг.		
Отношение к риску	0,058** (0,025)	0,160*** (0,032)
Демография	+	+
Образование	+	+
<i>N</i>	22082	3448

Примечания. * – p-value = 0,1; ** – p-value = 0,05; *** – p-value = 0,01; «+» означает, что данные переменные контролируются в спецификации.

Регрессионный анализ показал, что риск оказывает различное влияние на предпринимателей с подчиненными и без подчиненных. Коэффициент при переменной риска для вынужденных предпринимателей имеет нестабильную значимость при оценке на выборках разных лет. На рис. 8 показаны условные вероятности в зависимости от риска для каждой группы предпринимателей, рассчитанной на сбалансированной общей выборке. График условной вероятности для добровольных предпринимателей имеет стандартный восходящий и нелинейный профиль. Отметим, что после разделения условная вероятность выбора предпринимательской деятельности увеличилась до 0,27 при максимальной склонности к риску. Профиль вынужденных предпринимателей является более пологим: даже при значении отношения к риску, равном 10, условная вероятность достигает только 0,04.

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

Рис. 8. Условные вероятности выбора добровольной и вынужденной предпринимательской деятельности для каждого значения склонности к риску

Таким образом, предпочтения в принятии рискованных решений по-разному проявляются в выделенных группах, вовлеченных в самозанятость. Для добровольных предпринимателей мы видим достаточно крутой восходящий профиль условной вероятности, который подтверждает положительную связь отношения к риску и самозанятости. Наличие подчиненных может коррелировать с размером фирмы, ее оборотом, издержками, что увеличивает регуляторные риски и риски потенциальных потерь. В свою очередь,

вынужденные предприниматели действуют исходя из того, что у них отсутствуют альтернативные возможности получения трудовых доходов. В этих условиях склонность к риску не является главным фактором выбора, и они могут быть по величине любыми: как высокими, так и низкими.

8. Заключение

Высокая степень склонности к риску общепринято считается необходимой характеристикой предпринимателей, поскольку их деятельность всегда связана с неопределенностью и возможными потерями. Несмотря на наличие теоретических работ по данной теме, а также большого количества литературы, посвященной исследованиям как предпочтений, так и предпринимательства, роль предпочтений в выборе предпринимательской деятельности начала рассматриваться в литературе сравнительно недавно. Данная работа является одной из первых, посвященных России.

В настоящей работе использованы данные РМЭЗ ВШЭ за 2016–2018 гг. в качестве основной базы данных, на основе которых построена мультиномиальная логит-регрессия вероятности выбора предпринимательской деятельности в зависимости от склонности к риску и других контрольных переменных. Все модели были оценены как на кросс-секциях, так и на общем пуле данных для изучения стабильности полученных оценок. Основным выводом является то, что для индивида вероятность выбора предпринимательской деятельности увеличивается с увеличением его склонности к риску, при прочих равных. Данный вывод соотносится с результатами, полученными в работах [Caliendo et al., 2009] по Германии и [Skriabikova et al., 2014] по Украине и Восточной Германии. В нашей работе уделяется больше внимания не анализу усредненных предельных эффектов, а построению условных вероятностей выбора предпринимательской деятельности для каждого значения переменной риска, поскольку в предпочтении этой деятельности имеют большую роль пограничные, а не усредненные ответы. Вероятность выбора самозанятости для индивида, абсолютно склонного к риску, в 3–5 раз больше, чем для индивида с такими же характеристиками, но абсолютно не склонного к риску. Однако при разделении выборки на мужчин и женщин вывод перестает быть верным для последних, вызывая интерес к дальнейшему исследованию роли склонности риска в выборе занятости с учетом гендерной специфики.

Исходя из логики того, что решение о выборе самозанятости может быть вызвано факторами, предшествующими данному выбору, мы использовали данные по предпринимательской деятельности за текущий год и объясняющие переменные за предыдущие годы. Данный подход подтвердил стабильность эффекта риска и его размер, полученный при неиспользовании лагов переменной.

Разделение выборки на вынужденных и добровольных предпринимателей позволило проанализировать, как склонность к риску влияет на предпринимателей с различной мотивацией. Было показано, склонность к риску не имеет устойчивого влияния на выбор предпринимательской деятельности для вынужденных предпринимателей в отличие от добровольных предпринимателей.

Робастность результатов также была подтверждена с помощью использования альтернативных переменных склонности к риску и предпринимательской деятельности.

Несмотря на то, что данная работа посвящена рассмотрению узкого вопроса, ее выводы сильно взаимосвязаны с более широкими вопросами экономики, такими как экономический рост и развитие. Чтобы экономика развивалась, люди должны иметь большой горизонт планирования, быть склонными к риску, который неизбежен во многих сферах экономической деятельности, в особенности, предпринимательстве. Люди, которые более склонны к риску, выбирают предпринимательскую деятельность и влияют на конкурентоспособность экономики, на ее инвестиционный потенциал, на инновации и экономический рост. Формирование предпринимательской культуры включает в себя преподавание основ предпринимательских знаний, утверждение престижа предпринимательской деятельности, создание четких правил игры, обеспечение прав собственности и т.п. Все это должно снижать избыточные риски предпринимательства и повышать интерес к нему у молодежи. Из-за того, что предпочтения в области принятия рискованных решений частично наследуются, а знания о предпринимательской активности родителей положительно влияют на выбор детьми этой же деятельности, политика, которая будет способствовать выбору предпринимательской деятельности в настоящем момент, может иметь долгосрочные положительные эффекты.

* *

*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алимова Т.А. Предпринимательский потенциал российского населения: факторы роста // Т.А. Алимова, О.И. Образцова (общ. ред.), А.Ю. Чепуренко (отв. ред.) Теория предпринимательства в России: новые подходы и результаты. По материалам «Глобального мониторинга предпринимательства». М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. С. 138–153.

Институциональные преобразования в экономике. Росстат. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/)

Образцова О.И. GEM как источник альтернативной статистики для сравнительного междо странового анализа предпринимательской активности // Т.А. Алимова, О.И. Образцова (общ. ред.), А.Ю. Чепуренко (отв. ред.) Теория предпринимательства в России: новые подходы и результаты. По материалам «Глобального мониторинга предпринимательства». М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2010. С. 18–62.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)

Чепуренко А.Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России. Социология. Этнология. 2008. Т. 17. № 2. С. 22–40.

Acs Z.J., Varga A. Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change // Small Business Economics. 2005. Vol. 24. № 3. P. 323–334.

Aghion P., Bolton P. A Theory of Trickle-Down Growth and Development // The Review of Economic Studies. 1997. Vol. 64. № 2. P. 151–172.

Akgüç M., Liu X., Tani M., Zimmermann K.F. Risk Attitudes and Migration // China Economic Review. 2016. Vol. 37. P. 166–176.

Argaw B.A., Maier M.F., Skriabikova O.J. Risk Attitudes, Job Mobility and Subsequent Wage Growth During the Early Career. ZEW-Centre for European Economic Research Discussion Paper № 17-023. 2017.

- Banerjee A.V., Newman A.F.* Occupational Choice and the Process of Development // Journal of Political Economy. 1993. Vol. 101. № 2. P. 274–298.
- Beine M., Charness G., Dupuy A., Joxhe M.* Shaking Things up: On the Stability of Risk and Time Preferences. IZA Discussion Papers № 13084. Bonn: IZA Institute of Labor Economics, 2020.
- Black S.E., Devereux P.J., Lundborg P., Majlesi K.* On the Origins of Risk-Taking: National Bureau of Economic Research Working Paper 21332. 2015.
- Blanchflower D.G., Oswald A.J.* What Makes an Entrepreneur? // Journal of Labor Economics. 1998. Vol. 16. № 1. P. 26–60.
- Block J.H., Wagner M.* Necessity and Opportunity Entrepreneurs in Germany: Characteristics and Earning's Differentials // Schmalenbach Business Review. 2010. Vol. 62. № 2. P. 154–174.
- Bonin H., Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U.* Cross-Sectional Earnings Risk and Occupational Sorting: The Role of Risk Attitudes // Labour Economics. 2007. Vol. 14. № 6. P. 926–937.
- Caliendo M., Fossen F.M., Kritikos A.S.* Risk Attitudes of Nascent Entrepreneurs – New Evidence from an Experimentally Validated Survey // Small Business Economics. 2009. Vol. 32. № 2. P. 153–167.
- Cantillon R.* (1755) Essay on the Nature of Commerce in General. Henry Higgs, trans. London: Macmillan, 1931.
- Collins C.J., Hanges P.J., Locke E.A.* The Relationship of Achievement Motivation to Entrepreneurial Behavior: A Meta-Analysis // Human Performance. 2004. Vol. 17. № 1. P. 95–117.
- Cunha F., Heckman J.* The Technology of Skill Formation // The American Economic Review. 2007. Vol. 97. № 2. P. 31–47.
- Djankov S., Miguel E., Qian Y., Roland G., Zhuravskaya E.* Who Are Russia's Entrepreneurs? // Journal of the European Economic Association. 2005. Vol. 3. № 2/3. P. 587–597.
- Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U., Schupp J., Wagner G.G.* Individual Risk Attitudes: Measurement, Determinants, and Behavioral Consequences // Journal of the European Economic Association. 2011. Vol. 9. № 3. P. 522–550.
- Dohmen T., Falk A., Golsteyn B.H., Huffman D., Sunde U.* Risk Attitudes Across The Life Course // The Economic Journal. 2017. Vol. 127. № 605. P. F95–F116.
- Dvouletý O.* Determinants of Self-Employment with and without Employees: Empirical Findings from Europe // International Review of Entrepreneurship. 2018. Vol. 16. № 3. P. 405–426.
- Earle J.S., Sakova Z.* Business Start-ups or Disguised Unemployment? Evidence on the Character of Self-employment from Transition Economies // Labour Economics. 2000. Vol. 7. № 5. P. 575–601.
- Evans D.S., Jovanovic B.* An Estimated Model of Entrepreneurial Choice under Liquidity Constraints // Journal of Political Economy. 1989. Vol. 97. № 4. P. 808–827.
- Evans D.S., Leighton L.S.* Some Empirical Aspects of Entrepreneurship // Z.J. Acs, D.B. Audretsch (eds.) The Economics of Small Firms. Dordrecht: Springer, 1990. P. 79–99.
- Falk A., Becker A., Dohmen T., Enke B., Huffman D., Sunde U.* Global Evidence on Economic Preferences // The Quarterly Journal of Economics. 2018. Vol. 133. № 4. P. 1645–1692.
- Hayduk I., Williams D.R.* Gender Gap in Self-employment: The Role of Risk Attitudes // Economics of Transition and Institutional Change. 2019. Vol. 27. № 3. P. 673–698.
- Jaeger D.A., Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U., Bonin H.* Direct Evidence on Risk Attitudes and Migration // The Review of Economics and Statistics. 2010. Vol. 92. № 3. P. 684–689.
- Knight F.H.* Risk, Uncertainty, and Profit. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1921.
- Lloyd-Ellis H., Bernhardt D.* Enterprise, Inequality and Economic Development // The Review of Economic Studies. 2000. Vol. 67. № 1. P. 147–168.
- Locke E.* Motivation, Cognition, and Action: An Analysis of Studies of Task Goals and Knowledge // Applied Psychology An International Review. 2000. Vol. 49. № 3. P. 408–429.
- McClelland D.C.* The Achieving Society. Princeton, N.J.: Van Nostrand. 1961.
- Poschke M.* Who Becomes an Entrepreneur? Labor Market Prospects and Occupational Choice // Journal of Economic Dynamics and Control. 2013. Vol. 37. № 3. P. 693–710.
- Reynolds P., Bosma N., Autio E., Hunt S., De Bono N., Servais I., Lopez-Garcia P., Chin N.* Global Entrepreneurship Monitor: Data Collection Design and Implementation 1998–2003 // Small Business Economics. 2005. Vol. 24. № 3. P. 205–231.

- Roberts B.W., DelVecchio W.F. The Rank-Order Consistency of Personality Traits from Childhood to Old Age: A Quantitative Review of Longitudinal Studies // *Psychological Bulletin*. 2000. Vol. 126. № 1. P. 3–25.
- Sahm C.R. How Much Does Risk Tolerance Change? // *The Quarterly Journal of Finance*. 2012. Vol. 2. № 4. 1250020.
- Shapero A. The Displaced, Uncomfortable Entrepreneur // *Psychology Today*. 1975. Vol. 9. № 6. P. 83–88.
- Schildberg-Hörisch H. Are Risk Preferences Stable? // *The Journal of Economic Perspectives*. 2018. Vol. 32. № 2. P. 135–154.
- Schmidt P., Strauss R.P. The Prediction of Occupation Using Multiple Logit Models // *International Economic Review*. 1975. Vol. 16. № 2. P. 471–486.
- Schumpeter J.A. *The Theory of Economic Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1934.
- Self-Employed, Total (% of total employment). The World Bank. (https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS?name_desc=false)
- Skriabikova O.J., Dohmen T., Kriechel B. New Evidence on the Relationship between Risk Attitudes and Self-Employment // *Labour Economics*. 2014. Vol. 30. P. 176–184.
- Statistics on International Labour Migration. 20th International Conference of Labour Statisticians. Geneva: International Labour Office, 10–19 October 2018.
- Stigler G.J., Becker G.S. De Gustibus Non Est Disputandum // *The American Economic Review*. 1977. Vol. 67. № 2. P. 76–90.

Risk Attitude, Entrepreneurship and Self-Employment

Ariadna Gromova

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.
E-mail: asgromova@hse.ru

The choice of entrepreneurial activity and self-employment is associated with higher level of risk and requires a degree of love for it. The literature on risk preferences and entrepreneurship is extensive, but there is a limited amount of empirical research on the crossroads of these topics. The papers focused on the Russian labor market taking into account not only the number of entrepreneurs, but also their quality and motivation of their choice, do not exist. Based on the data of the RLMS of the Higher School of Economics for 2016–2018, I build multinomial logit models for choosing entrepreneurial activity and analyze the effect of risk preferences on this choice. The main conclusion of the work is that risk preferences are positively and not linearly correlated with the choice of entrepreneurial activity. The robustness of this result was tested by using different samples and different definitions of risk attitude and entrepreneurship. The conclusion is stable only for groups of voluntary entrepreneurs, however for involuntary ones the decision to be an entrepreneur does not correlate significantly with subjective attitude towards risk. Profiles of probability of entrepreneurship are more stable and as-

cending for men, but not for women, but this may be due to limited amount of observations of both groups.

Key words: risk preference; self-employment; entrepreneurship; RLMS HSE.

JEL Classification: J24, D81.

* *

*

References

- Acs Z.J., Varga A. (2005) Entrepreneurship, Agglomeration and Technological Change. *Small Business Economics*, 24, 3, pp. 323–334.
- Aghion P., Bolton P. (1997) A Theory of Trickle-Down Growth and Development. *The Review of Economic Studies*, 64, 2, pp. 151–172.
- Akgüç M., Liu X., Tani M., Zimmermann K.F. (2016) Risk Attitudes and Migration. *China Economic Review*, 37, pp. 166–176.
- Alimova T.A. (2010) Entrepreneurial Potential of the Russian Population: Growth Factors. *Theory of Entrepreneurship in Russia: New Approaches and Results*, based on the materials of the «Global Entrepreneurship Monitoring» (eds. T.A. Alimova, A.Yu. Chepurensko, O.I. Obratsova), Moscow: HSE Publishing House, pp. 138–154.
- Argaw B.A., Maier M.F., Skriabikova O.J. (2017) *Risk Attitudes, Job Mobility and Subsequent Wage Growth During the Early Career*. ZEW-Centre for European Economic Research Discussion Paper no 17-023.
- Banerjee A.V., Newman A.F. (1993) Occupational Choice and the Process of Development. *Journal of Political Economy*, 101, 2, pp. 274–298.
- Beine M., Charness G., Dupuy A., Joxhe M. (2020) *Shaking Things up: On the Stability of Risk and Time Preferences*. IZA Discussion Papers no 13084. Bonn: IZA Institute of Labor Economics.
- Black S.E., Devereux P.J., Lundborg P., Majlesi K. (2015) *On the Origins of Risk-Taking*. National Bureau of Economic Research Working Paper 21332.
- Blanchflower D.G., Oswald A.J. (1998) What Makes an Entrepreneur? *Journal of Labor Economics*, 16, 1, pp. 26–60.
- Block J.H., Wagner M. (2010) Necessity and Opportunity Entrepreneurs in Germany: Characteristics and Earnings Differentials. *Schmalenbach Business Review*, 62, 2, pp. 154–174.
- Bonin H., Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U. (2007) Cross-Sectional Earnings Risk and Occupational Sorting: The Role of Risk Attitudes. *Labour Economics*, 14, 6, pp. 926–937.
- Caliendo M., Fossen F.M., Kritikos A.S. (2009) Risk Attitudes of Nascent Entrepreneurs – New Evidence from an Experimentally Validated Survey. *Small Business Economics*, 32, 2, pp. 153–167.
- Cantillon R. (1755) *Essay on the Nature of Commerce in General*. Henry Higgs, trans. London: Macmillan, 1931.
- Chepurensko A. (2008) Early Entrepreneurship in Russia: Intermediate Results of Gem. *Universe of Russia*, 17, 2, pp. 22–40 [Electronic resource].
- Collins C.J., Hanges P.J., Locke E.A. (2004) The Relationship of Achievement Motivation to Entrepreneurial Behavior: A Meta-Analysis. *Human Performance*, 17, 1, pp. 95–117.
- Cunha F., Heckman J. (2007) The Technology of Skill Formation. *The American Economic Review*, 97, 2, pp. 31–47.

- Djankov S., Miguel E., Qian Y., Roland G., Zhuravskaya E. (2005) Who Are Russia's Entrepreneurs? *Journal of the European Economic Association*, 3, 2/3, pp. 587–597.
- Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U., Schupp J., Wagner G.G. (2011) Individual Risk Attitudes: Measurement, Determinants, and Behavioral Consequences. *Journal of the European Economic Association*, 9, 3, pp. 522–550.
- Dohmen T., Falk A., Golsteyn B.H., Huffman D., Sunde U. (2017) Risk Attitudes Across The Life Course. *The Economic Journal*, 127, 605, pp. F95–F116.
- Dvouletý O. (2018) Determinants of Self-Employment with and without Employees: Empirical Findings from Europe. *International Review of Entrepreneurship*, 16, 3, pp. 405–426.
- Earle J.S., Sakova Z. (2000) Business Start-ups or Disguised Unemployment? Evidence on the Character of Self-employment from Transition Economies. *Labour Economics*, 7, 5, pp. 575–601.
- Evans D.S., Jovanovic B. (1989.) An Estimated Model of Entrepreneurial Choice under Liquidity Constraints. *Journal of Political Economy*, 97, 4, pp. 808–827.
- Evans D.S., Leighton L.S. (1990) Some Empirical Aspects of Entrepreneurship. *The Economics of Small Firms*. (eds. Z.J. Acs, D.B. Audretsch), Dordrecht: Springer, pp. 79–99.
- Falk A., Becker A., Dohmen T., Enke B., Huffman D., Sunde U. (2018) Global Evidence on Economic Preferences. *The Quarterly Journal of Economics*, 133, 4, pp. 1645–1692.
- Hayduk I., Williams D.R. (2019) Gender Gap in Self-employment: The Role of Risk Attitudes. *Economics of Transition and Institutional Change*, 27, 3, pp. 673–698.
- Institutional Changes in the Economy*. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/
- Jaeger D.A., Dohmen T., Falk A., Huffman D., Sunde U., Bonin H. (2010) Direct Evidence on Risk Attitudes and Migration. *The Review of Economics and Statistics*, 92, 3, pp. 684–689.
- Knight F.H. (1921) *Risk, Uncertainty, and Profit*. Boston, New York: Houghton Mifflin Company.
- Lloyd-Ellis H., Bernhardt D. (2000) Enterprise, Inequality and Economic Development. *The Review of Economic Studies*, 67, 1, pp. 147–168.
- Locke E. (2000) Motivation, Cognition, and Action: An Analysis of Studies of Task Goals and Knowledge. *Applied Psychology An International Review*, 49, 3, pp. 408–429.
- McClelland D.C. (1961) *The Achieving Society*. Princeton, N.J.: Van Nostrand.
- Obraztsova O.I. (2010) GEM as a Source of Alternative Statistics for Comparative Cross-Country Analysis of Entrepreneurial Activity. *Theory of Entrepreneurship in Russia: New Approaches and Results*, based on the materials of the «Global Entrepreneurship Monitoring» (eds. T.A. Alimova, A.Yu. Chepurenko, O.I. Obraztsova), Moscow: HSE Publishing House, pp. 138–154.
- Poschke M. (2013) Who Becomes an Entrepreneur? Labor Market Prospects and Occupational Choice. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 37, 3, pp. 693–710.
- Reynolds P., Bosma N., Autio E., Hunt S., De Bono N., Servais I., Lopez-Garcia P., Chin N. (2005) Global Entrepreneurship Monitor: Data Collection Design and Implementation 1998–2003. *Small Business Economics*, 24, 3, pp. 205–231.
- Roberts B.W., DelVecchio W.F. (2000) The Rank-Order Consistency of Personality Traits from Childhood to Old Age: A Quantitative Review of Longitudinal Studies. *Psychological Bulletin*, 126, 1, pp. 3–25.
- Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE*. Available at: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> and <http://www.hse.ru/rhms>
- Sahm C.R. (2012) How Much Does Risk Tolerance Change? *The Quarterly Journal of Finance*, 2, 4, 1250020.
- Shapero A. (1975) The Displaced, Uncomfortable Entrepreneur. *Psychology Today*, 9, 6, pp. 83–88.
- Schildberg-Hörisch H. (2018) Are Risk Preferences Stable? *The Journal of Economic Perspectives*, 32, 2, pp. 135–154.
- Schmidt P., Strauss R.P. (1975) The Prediction of Occupation Using Multiple Logit Models. *International Economic Review*, 16, 2, pp. 471–486.

Schumpeter J.A. (1934) *The Theory of Economic Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Self-Employed, Total (% of total employment). The World Bank. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/SL.EMP.SELF.ZS?name_desc=false

Skriabikova O.J., Dohmen T., Kriechel B. (2014) New Evidence on the Relationship between Risk Attitudes and Self-Employment. *Labour Economics*, 30, pp. 176–184.

Statistics on International Labour Migration (2018) *20th International Conference of Labour Statisticians*. Geneva: International Labour Office, 10–19 October.

Stigler G.J., Becker G.S. (1977) De Gustibus Non Est Disputandum. *The American Economic Review*, 67, 2, pp. 76–90.